

Святые мученицы Пузовские Евдокия Шейкова, Дария Тимолина, Дария Сиушинская и Мария

Память (нов.ст.):

[5 июня](#)

[18 августа](#)

[4 февраля](#) (переходящая)

[10 сентября](#) (переходящая)

[27 июня](#)

Родилась Евдокия Шейкова (иногда пишут Шикова) 11/24 февраля 1856 года в селе Пузо в семье крестьян. Рано осталась сиротой, воспитывалась в семье дяди, который был церковным старостой. Дуня была очень благочестива, много ходила по святым местам, бывала в Саровской и Дивеевской обителях. С юных лет она немного юродствовала. круглый год

ходила в теплой шали и зипуне, терпеливо переносила насмешки и побои. В 20 лет Дуня сильно заболела и уже не вставала. К ней приходили девушки – хожалки, которые ухаживали за ней. Вместе с ними блаженная создала некое подобие иноческой общины.

У Евдокии было пять послушниц. Три из них – Дария Тимолина, Дария Сиушинская и Мария – пострадали вместе с ней, а другие смогли свидетельствовать о жизни и страданиях мучениц.

Постель ее была такая: рунье да два голика, на голиках постланы две суконки, которые на ногах носят, и больше ничего. В головах — два худых зипуна, и накрыта она была тулупом; на ней был надет зипун, только не в рукава, а накинут на плечи, вроде накидки, а другим накрыта голова. При людях она закрывала им лицо. Когда тулуп истлел, она положила его на постель, никому не отдала; и так — зиму и лето.

Стали к ней ходить благочестивые девушки петь, и у них образовалось правило. Пели они стихиры, кондаки и акафисты. Ни в чем Дуня не могла получить утешения, как только в продолжительном пении и чтении. Ежедневно пели стихиры образу Владимирской Царицы Небесной. Это было общее пение, вечером в восемь часов начинали, и продолжалась служба до двенадцати часов ночи. В это время ничего не читалось; пели, кроме стихир, тропари и кондаки святым и Царице Небесной. Повторникам справляли стихиры сакафистом Иверской Божией Матери. В этот день к Дуне приходило много народу. Утром начинали молиться с пяти часов, а иной раз по слабости — с шести утра. Читали в это время Псалтирь, Евангелие, каноны, акафисты и клали поклоны. Утреннее правило продолжалось до двенадцати часов дня. Во время правила она вместе с четками держала всегда моток льняных нитки, пройдя четки, делала на нитках петлю, потом опять молилась по четкам, потом еще делала петлю, и так до четырех петель, потом эти петли связывала узлом, вроде креста, и затыкала за пояс; это означало, что она молитву кончила, и ее можно сажать.

За чаем сидела полтора часа, и чтобы кипел самовар, и пар шел, а выпивала чашку с небольшим за все время. Нальет чашку, скажет: «Холодна». Потом нальют, скажет: «Горяча», и так всегда. Хожалки начнут роптать, что долго сидит, народ ропщет, что долго не пускают. И только перед самым чаем она разрешила огурец и съедала кружочка два или гриб соленный, пирог раз откусит, когда Бог посылал. Те куски, которые она завязывала и клала на постель, после шести недель клала себе за спину, на них спала, на сухарях, в холоде и во вшах. Когда рубашка была худая, хлеб впивался в тело. Потом из хлеба вырастали целые вороха на постели. Там он зеленел, завелись под конец мыши и черви, в этом во всем она и лежала.

Она носила вериги, которые у нее были поясом, и никому не разрешала касаться этого места. Рубаху Дуня не меняла, пока

та не истлеет, меняла раз в год и тогда всех, кроме двух девушек, высылала. Руки мыла с мылом по локоть раз в год, затем обливала их в тазу со святой водой; ноги мыла до колен — тоже обольет, но простой водой, а тело никогда не мыла.

Келья была дырявая, предлагали ей ставить новую, но она не захотела. Во всей печи не было ни одного целого кирпича, а одни осколки на поду, но Дуня не давала ее перекладывать — для подвига. Анароду жалуется: «Они замазывают мне печку». Хожалок никого не подпускала к печке греться, скажет только: «А как святые терпели? Вы здоровые не можете терпеть, как же я больная терплю?»

Печь топили часов в семь-восемь вечера и с восьми же часов стихиры пели, часа в два-три ночи она обедала. Обедала Дуня одна, чужих никого не пускала, хожалки все стояли, а сидеть не на чем было. Подавали ей в блюде, ложку хожалка поддерживала, а когда наливала, она кричит: «Мне больше наливай». Раза два хлебнет и скажет: «Я устала, отдохну».

Чтобы подвига ее не знали, она говорила: «Ныне нет отрадного дня», — и сама не ела, и никому не давала. А тут по покойнику в колокол ударят — нельзя уже есть, или еще что случится, все это были поводы, чтобы не есть. Покойника пронесут, хожалки есть просят, а она: «Завтра поедим». Скажет: «Молитесь, чтобы завтра отрадный был день». Так и отведет день ото дня, потом и забудется, а хожалкам есть не дает, говорит: «Больному принесли, я сама съем».

Незадолго до смерти, когда ее мыли, она говорит: «Давайте мне рубашку, кою я на смерть приготовила, уж зима, холодно, она потолще, в ней будет теплее». Еще она говорила: «Я до осени доживу, новую жизнь поведу, а вы всякий сам себе хлеб приготовляйте, я больше вам готовить не стану, тогда вам всем легко будет жить».

Пришли к Дуне солдаты, стали выяснять, кто у нее живет. Стал солдат рыться в чулане, нашел просфоры и елей, бросил их в лицо Дуне и начал ее обзывать скверными словами. Потом начал ее за волосы таскать и бить плетью, а хожалок в келье не трогал. Потом взял восковые свечи, скрутил их десять штук вместе, зажег и стал кидать иконы и искать деньги. Все иконы побросал, затем в чулан полез, а там его за руку крыса схватила. Он остервенился и начал бить Дуню. Они пришли в шесть часов вечера и били ее всю ночь попеременно, били и плетьюми, и стаскивали, и топтали ее ногами, и в воскресенье сутра били, и везде стояла кругом стража, и никого к ней не пускали.

В воскресенье, после обедни, стали все выкидывать из ее кельи. Солдаты кидали иконы и топтали ногами, и крестьяне стали брать их в церковь. Когда понесли Иверскую Божию Матерь, от нее было сияние. Солдаты хорошие вещи брали себе, а похуже кидали народу. Дуню, когда тащили вещи, все время били — и так до утра понедельника. В понедельник поутру через заднюю калитку проникли к ней некоторые

верующие, солдат попался хороший и не бил ее это время. Дуня попросила: «Меня надо приобщить, позовите священника». Батюшка пришел к Дуне, исповедовал и приобщил ее и хожалок за два часа до смерти.

Стали они выходить из дома. И до того у них были прекрасные лица, что невозможно было смотреть. Они вышли все с четками, помолились на церковь; и стали их опять бить. Когда Дуню били, хожалки бросились защищать, кто — на ноги, кто — на тело. Затем сели на подводку, перекрестились. Дуня у Даши на коленях, сели все рядом. Как лошадь тронулась, стали креститься. А на углу дома стоял неверующий мужик Иван Анисимов, и он увидел, что на плечах у них белый голубь, и куда ударяли, туда он садился, и били по голубю. Тут же он уверовал и говорит: «Теперь бы я последнюю корову отдал, только бы не убивали их». Трое мужиков, Петр, Иван и Макар, из тех, кто постоянно ходили к Дуне, попытались за нее вступить, но были избиты плетью. Дуня увидела это и говорит: «Смотри, как с них грехи сыплутся. Смотри, сейчас с Макара грехи летят, как от веника листья в бане, как его за меня бьют». Петр Карасев впоследствии рассказывал, что никакой боли от ударов не чувствовал. «Я бы счастлив был, если бы меня еще раз избili за Дунюшку».

Начали их расстреливать. Сначала хотел стрелять татарин, но бросил и сказал: «Нет, не буду, у меня руки не поднимаются». Его стали принуждать, но он отказался. Другого поставили, и тот стал расстреливать. Два выстрела дали для страха, а на третий застрелили первой Дуню.

Освидетельствование мощей подтвердило, что солдаты, прежде чем расстрелять, сильно избивали подвижниц. Убийцы неоднократно стреляли им в голову, а одну из них добились штыком в голову. Исследовав мощи, ученые пришли к выводу, что блаженная старица Евдокия могла ходить. А это значит, что она добровольно приковала себя к постели. Лишь в области колен кости оказались деформированы, потому что Дуня подолгу молилась, стоя на коленях.

Расстреляли их 5/18 августа 1919 года. В этот день все верующие ощущали благоухание от могилы. Потом солдаты ушли и поручили следить, чтобы на могилу не пришел священник и не отпел бы их. После этого стали видеть на могиле горящую свечу, а над кельей Дуни в двенадцать часов дня, вскоре после расстрела, солнце играло в саженях десяти от земли.

Дария Тимолина ходила к Дуне три года, а после смерти Насти Пузинской батюшка благословил Дарью жить у Дуни. Родители ее не пускали, они были неверующие; Дарья плакала, просилась к Дуне, а они ее силком просватали. Она убежала к Дуне, пришли родные, за волосы вытащили ее из Дуниной кельи и сильно били. В этот раз

ее увели, но она опять прибежала. Родные во второй раз просватали ее и насильно увели домой. Двадцать лет потом она не выходила из Дуниной кельи: ни в церковь, ни к родным, а причащались они на дому. Дарья большая была постница, от Дуни все терпела. Та ее ругает, а она смеется. Дух у нее непрестанно горел к Богу. Расстреляли ее сорока лет.

Дария Сиушинская непрестанно молилась Иисусовой молитвой. Когда еще была в миру, проходила каждый день Псалтирь, всю без отдыха, стоя на ногах. Очень была смиренная. Жила у Дуни три года. Сорока лет расстреляна.

Мария прежде была замужем. Три года у нее болела нога, и она лежала в больнице. Возле нее лежала старушка и призывала святителя Николая. Мария услышала и тоже стала его призывать. Он явился ей и исцелил ногу. Она пообещала странствовать, но пришла из больницы к мужу — и забыла, что обещала. Ей опять явился святитель Николай и сказал: «Ты что, забыла свое обещание?» И она пошла странствовать. Пришла в Саров, из Сарова — в Лихачи и стала ходить к Дуне. Святитель Николай явился, сказал: «Иди к Дуне жить». Служила она Дуне семь лет. Мария была смиренная, как ребенок. Ради Бога она ушла от своего мужа, которого любила, и своего имени никому не открывала, потому что муж ее очень любил и долго искал, и ни родные, ни муж не знали, где она. В последний год Мария разболелась ногой и передвигалась с трудом, у нее вся пятка отгнила. На смерть она пришла за час и была спокойна, хотя знала, что их убьют.

В августе 2000 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви блаженная Евдокия (Шикова) и ее послушницы Дария (Тимолина), Дария (Сиушинская) и Мария были причислены к лику святых.

Тропарь общий, глас 5

Ликует ныне земля Российская в прославлении новых мученик своих, ихже обитель Дивеевская изведе, иже верою, терпением и кротостию первым христианом уподобилися суть и ныне молятся о спасении душ наших.

Тропарь мученице единой, глас 3

Скорби, гонения, болезни многия в годину лютых испытаний претерпевшая и верою твердою первым мучеником христианским уподобившаяся, преподобномученице (имя), молися ко Господу о спасении душ наших.

Кондак, глас 6

Днесь пророчество преподобнаго Серафима исполнися: множество новомученик престолу Божию со ангелы предстоят, с нимиже и преподобномученица (имя) в Дивееве Небеснем молится непрестанно о земном Отечестве своем.

Текст с сайта «Монастырский вестник».